

Сергей Шокарев

Между утилизацией и музеефикацией

БЫТОВАНИЕ И ВОСПРИЯТИЕ ГОРОДСКОГО
СРЕДНЕВЕКОВОГО НЕКРОПОЛЯ В РОССИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ XVIII—НАЧАЛА XX ВЕКОВ

Sergey Shokarev

Between Utilization and Museification: Everyday Life and the Perception of Urban Medieval Necropolis
in the Russian Empire of the 18th — Early 20th Centuries

Сергей Шокарев

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Лаборатория древнерусской культуры Школы актуальных гуманитарных исследований Института общественных наук, старший научный сотрудник; кандидат исторических наук
shokarevs@yandex.ru.

Ключевые слова: Средние века, Новое время, некрополь, некрополистика, археология, эпиграфика, вандализм, охрана памятников

УДК: 930.85

DOI: 10.53953/08696365_2026_198_2_106

Статья посвящена отношению и соприкосновению русского общества с памятниками средневекового городского некрополя в XVIII — начале XX веков. В этот период произошел отрыв от предшествующей традиции, который привел к забвению и разрушению старинных надгробий и кладбищ. В то же время со второй половины XVIII века некрополь стал объектом научного изучения, а в XIX веке сформировалась практика охраны памятников (среди которых, однако, некрополь занимал скромное место). К началу XX века сложилось представление о некрополе как историческом памятнике и источнике. Аналогичные процессы происходили и в археологии, она прошла путь от поисков захоронений знаменитых людей, близких к традиции обречения мощей, к академической методике раскопок некрополей. Революция 1917 года прервала эти процессы, открывшееся было понимание некрополя вновь закрылось.

Sergey Shokarev

SASH ISS RANEPА, Laboratory of Old Russian Culture, senior researcher; PhD in history
shokarevs@yandex.ru.

Keywords: Middle Ages, New Age, necropolis, necropolistics, archaeology, epigraphy, vandalism, monument protection

UDC: 930.85

DOI: 10.53953/08696365_2026_198_2_106

The article is devoted to the attitude and contact of 18th and early 20th century Russian society towards monuments of medieval urban necropolises. This period was defined by a break from the previous tradition, which led to the forgetting and destruction of ancient tombstones and cemeteries. At the same time, from the second half of the 18th century, the necropolis became an object of scientific study, and in the 19th century a practice of protection of monuments was formed (among which, however, the necropolis occupied a rather modest place). By the beginning of the 20th century the idea of the necropolis as a historical monument and source was formed. Archaeology went from searching for the burials of famous people to the academic method of excavating necropolises. The revolution interrupted these processes, and the recently developed understanding of the necropolis was foreclosed once more.

Страшно воют ветры в стенах опустевшего монастыря, между гробов, заросших высокою травою, и в темных переходах келий. Там, опершись на развалины гробных камней, внимаю глухому стону времен, бездною минувшего поглощенных, — стону, от которого сердце мое содрогается и трепещет.

Н.М. Карамзин. Бедная Лиза (1792).

Под термином «некрополь» в настоящее время принято понимать любое историческое кладбище или совокупность таких кладбищ. Некрополи существуют как неотъемлемая часть цивилизации со времен древнего мира, а погребальные обычаи прослеживаются с первобытных времен. По определению С.О. Шмидта, «кладбище (и его состояние) становится для историка источником понимания общественного (и религиозного) сознания и системы символов культуры не только тех лет, когда жили похороненные там люди, но и времени жизни их потомков»¹. Рассматриваемая нами проблема — средневековый некрополь в эпоху Нового времени — является таким показателем амбивалентного отношения к Средним векам и средневековой религиозной традиции в XVIII — начале XX века. Здесь мы можем увидеть все варианты возможного восприятия: нигилистическое, вызванное разрывом с утраченной традицией; заинтересованное, связанное с развитием исторического самосознания; профессиональное, возникающее по мере развития научного знания и школ. Если рассмотреть эти процессы в указанных хронологических рамках, то переход будет именно таким: от отторжения — к вдумчивому интересу. Однако это не означает, что вандализм по отношению к памятникам некрополя прекращается тогда, когда начинается их изучение. Эти восприятия сосуществуют, наслаиваются друг на друга, как разные уровни понимания культуры в разных общественных группах в целом.

Разрыв петровской России со старомосковской традицией, проявившийся во всех областях русской жизни, серьезно изменил погребальную сферу и мемориативную традицию. Реформы в области похоронного дела, преобразования в обрядовой практике, новые виды надгробных сооружений, развитие жанра эпитафий и появление новых форм мемориализации неоднократно освещались в научной литературе².

Настоящая работа затрагивает вопросы, которые ранее не были предметом специального рассмотрения. Речь пойдет о соприкосновении и, пожалуй, взаимодействии общества XVIII — начала XX веков с памятниками средневеково-

-
- 1 Шмидт С.О. Исторический некрополь в системе культуры России // Московский некрополь: история, археология, охрана. М.: Научно-исследовательский институт культуры; Московский фонд культуры, 1991. С. 11.
 - 2 Турчин В.С. Надгробные памятники эпохи классицизма в России: типология, стиль, иконография // От Средневековья к Новому времени: материалы и исследования по русскому искусству. XVIII — первая половина XIX века. М.: Наука, 1984. С. 211–228; Царькова Т.С. Русская стихотворная эпитафия XIX–XX веков: Источники. Эволюция. Поэтика. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1999; Логанова М.О. Печальные ритуалы императорской России. М.: Центрполиграф; Русская тройка, 2011; Авдеев А.Г. Памятники лапидарной эпиграфики как источник по истории и культуре Московской Руси. Дисс. ... доктора исторических наук: В 2 т. Т. 1. М., 2019; Шокарев С.Ю. Источники по истории московского некрополя XII — начала XX в. М.; СПб.: Нестор-История, 2019.

го городского некрополя в трех областях: бытование, охрана и изучение. Эти аспекты определили состояние древних намогильных памятников и погребений и уровень научного знания о старинном некрополе к началу XX века. И то и другое, увы, оставляло желать лучшего. Впрочем, в отношении к «гробным камням» Россия не составляла исключения; повсеместно древние погребения и памятники гибли (и гибнут) от забвения и вандализма. Однако особенности российской культурной практики, сочетавшей сакральное восприятие и пренебрежительное отношение к древнему некрополю, представляют значительный интерес. Вынесенная в заголовок дихотомия «утилизация/музеефикация» не определяет полностью существование памятников средневекового некрополя в XVIII — начале XX века. Речь также пойдет о разных подходах и способах взаимодействия общества с этим видом культурного наследия, объектам которого равнозначно могла быть уготовлена судьба вторичного строительного материала или музейного экспоната в зависимости от субъективных обстоятельств.

Мемориальные памятники в церковной повседневности

Срок существования большинства средневековых намогильных сооружений составлял 60–80 лет³. Лишь немногие семьи (в основном аристократы) подерживали семейные усыпальницы, обновляя памятники. Еще в Средние века распространилась практика вторичного использования надгробий при строительстве или ремонте храмов и монастырей. Известный российский археолог Л.А. Беляев характеризует ее как «почти типовое и уж никак не девиантное поведение»⁴.

По мнению Беляева, в строительстве использовались плиты с тех могил, которые попадали в зону застройки.

Семьи погребенных, видимо, вынуждены были с этим мириться, — пишет ученый. — Но отчасти они выигрывали от этого — родовые могилы, ранее помещавшиеся вблизи церкви, теперь оказывались внутри нее или, по крайней мере, под ее стенами. Да и сами надгробия в фундаментах становились невидимой, но постоянно звучащей молитвой во спасение усопших, краеугольными камнями нового храма⁵.

Беляев указывает на каноническое право, допускавшее такое обращение с плитами⁶. Эту ссылку можно дополнить седьмым правилом св. Григория Нисского: «Гроб ископовая, аще убо камень к созданию взят оттуду, помилован боудет обычая ради»⁷.

Однако масштабные разрушения некрополей в Новое время вряд ли можно было оправдывать такими установлениями. Начало этому процессу поло-

3 Авдеев А.Г. Указ. соч. С. 367, 368.

4 Беляев Л.А. Помянуть и помнить: традиция обновления надгробий в Москве XVI–XVII вв. // Живая старина. 2018. № 3 (99). С. 2.

5 Там же. С. 2.

6 Там же. С. 5.

7 Кормчая: Напечатана с оригинала патриарха Иосифа. М.: Типография П.П. Рябушинского, 1912. С. 673.

жил указ Петра I от 12 апреля 1722 года, предписывавший «камни, которые лежать неуравненно съ землею, окопавъ, опустить въ землю <...>. А ежели техъ камней надлежащему уравниению будетъ неудобно вместею, то излишние камни употребить въ церковное строение»⁸.

Во время раскопок некрополя Троице-Сергиевой лавры в 2003 году было обнаружено археологическое свидетельство реализации этого указа — поверхность из белокаменных плит, положенных вплотную друг к другу, засыпанная строительным мусором в промежуток между 1722 и 1734 годами⁹.

Подобные случаи происходили и позже. Историк и археолог К.М. Бороздин, посетив в 1809 году Кирилло-Белозерский монастырь, удивился дорожке, вымощенной старинными надгробиями-валунами. Ученый указал настоятелю на «неприличие подобного распоряжения» и посоветовал восстановить некрополь, тем более что на некоторых камнях читались имена представителей знатных фамилий. Тот согласился с мнением специалиста и обещал все исправить. Однако когда Бороздин через некоторое время вновь посетил монастырь, он увидел, что «камни оставались те же, но надписи были все тщателью сглажены»¹⁰.

Во второй половине XVIII века архимандрит суздальского Спасо-Евфимьева монастыря приказал разобрать кирпичную «палатку», являвшуюся усыпальницей князей Пожарских и Хованских, а «имевшиеся на гробах <...> белые камни с надписями» употребил «на выстилку при церкви рундуков и другие монастырские здания»¹¹.

В 1836 году монастырское начальство распорядилось из-за «ветхости» разобрать церковь-усыпальницу князей Репниных во имя Архистратига Михаила (XVII век) в Пафнутьевом-Боровском монастыре. «Притом с таким варварским неуважением к могилам похороненных в палатке под церковью жертвователей, — отмечал потомок этого рода гофмейстер князь Н.В. Репнин-Волконский, — что уничтожило все надгробные надписи над могилами и ничем не огородило даже местность самой церкви»¹².

Вследствие такого «благоустройства», осуществлявшегося повсеместно, к началу XX века ни в одном из монастырей нельзя было увидеть сколько-нибудь полноценного фрагмента средневекового кладбища (за исключением нескольких усыпальниц в подклетах). Типичную ситуацию описывал наблюдатель в Покровском Суздальском монастыре:

Перед входом в этот храм лежит ряд старых могильных плит, иссеченных изящной древне-славянской вязью. <...> Надгробия эти, судя по всему, и по их изящ-

-
- 8 Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. VI. С. 653.
- 9 Чернов С.З., Янишевский Б.Е. Некрополь Троице-Сергиева монастыря по материалам археологических исследований 2003 г. // Российская археология. 2008. № 2. С. 188–199.
- 10 Биографическое известие о сочинителе атласа К.М. Бороздине (Из письма В.Д. Полонова к М.П. Погодину) // Труды Первого Археологического съезда в Москве. 1869. М.: Синодальная типография на Никольской улице, 1871. С. 73.
- 11 Уваров А.С. Сборник мелких трудов. Т. III. М.: Типография Г. Лисснера и Д. Собко, 1910. С. 32, 46.
- 12 Древности. Труды Московского археологического общества. Т. 22. Ч. 1. М.: [б.и.], 1909. С. 414, 415.

ной отделке и по форме, и по месту их положения, имеют, несомненно, большое историческое значение, но они заросли, разбиты, заброшены...¹³

В опасном положении находились не только надгробия под открытым небом, но и памятники внутри храмов. В 1869 году во владимирском Успенском соборе по распоряжению обер-прокурора Синода графа Д.А. Толстого были разбиты и вынесены стоявшие на полу саркофаги с захоронениями древнерусских князей и епископов¹⁴.

Повсеместно уничтожались надмогильные и могильные памятники (плиты и саркофаги), которые находили в земле. В 1913 году журналист писал из Владимира о том, что при разрушении Козлова вала обнаруживается старинное кладбище. «В текущем году несколько каменных плит появились вновь на поверхности земли, и местные жители спешат воспользоваться ими как хорошим строительным материалом»¹⁵.

Очевидно, что в русском обществе XVIII — начала XX века (за исключением любителей старины) не было пиетета перед памятниками средневекового городского некрополя, хотя их предназначение было очевидно. Белокаменные плиты и даже «палатки»-усыпальницы, являвшиеся в XVII столетии предметом заботы знатных семейств, спустя 150 лет оказались бесхозной собственностью с перспективами разрушения от времени или вторичного использования.

Проблемы охраны и музеефикации

Хорошо известно противоречие между стремлением сохранить историко-архитектурное наследие и насущными потребностями церковных общин. Эта проблема начала активно дискутироваться с 1830-х годов, когда историки и искусствоведы инициировали обсуждение организации охраны художественного и исторического наследия. Обвинения в адрес духовенства в варварском отношении к памятникам (в основном обоснованные) в это время являлись общим местом в риторике ревнителей древностей.

Показателен спор, разгоревшийся в 1910 году вокруг вопроса о ремонте и перестройке Никольской церкви московского Новоспасского монастыря. Протестуя против действий монастырских властей, Московское археологическое общество обратилось в Синод с просьбой «принять меры против варварского своеволия монахов». В ответ настоятель, архимандрит Макарий (Гневушев), обвинил археологов в том, что их «ревность по “археологическим подробностям” нередко доходит до своего рода идолопоклонства перед каждым древним кирпичом или каждой архитектурной завитушкой»¹⁶.

13 Известия Императорской археологической комиссии. Прибавления к вып. 48. СПб.: Типография Главного управления уделов, 1913. С. 104.

14 *Виноградов А.И.* [Воспоминания о гробницах в Успенском соборе] // Исторические кладбища Владимира. Кн. 2: Древнерусский некрополь. Утраченные кладбища. Владимир: Калейдоскоп, 2018. С. 6–15.

15 Известия Императорской археологической комиссии. Прибавления к вып. 50. СПб.: Типография Главного управления уделов, 1913. С. 50.

16 Известия Императорской археологической комиссии. Вып. 41. СПб.: Типография Главного управления уделов, 1911. С. 26.

Ради сохранения храма, подобных которому не мало, отказывают в переделке его, расширении, или советуют строить новый храм. Между тем, нередко нет ни денег, ни места, чтобы выполнить этот совет. В таком случае остается или закрыть глаза и уши на указание современности и предоставить храму, на котором есть кой-какие «подробности», <...> стоять в запустении и разрушаться, или разумно использовать храм...¹⁷

При всех полемических перекосах в словах архимандрита содержалось уважение к наследию. Но существовала и другая, более крайняя позиция, выраженная в 1847 году московским митрополитом Филаретом (Дроздовым): «...я поклоняюсь древним иконам и прочей святыне, а не расседшимся камням Василия Темного»¹⁸.

При таких подходах церковная старина активно разрушалась в угоду практическим нуждам либо из-за заброшенности. Только в 1889 году появилась законодательная рекомендация о надзоре за ремонтными работами на памятниках архитектуры со стороны Императорской археологической комиссии. Это решение довольно скоро привело к благоприятным результатам. Впрочем, сотрудничество археологов и церковных властей началось ранее, под влиянием моды на историзм, установившейся во второй половине XIX века¹⁹.

Несколько успешных реставрационных проектов затронули средневековые соборные усыпальницы. Во время реставрации и благоустройства подклетов в соборах московских Новоспасского (1857–1858, 1901 и 1913) и Новодевичьего (1885) монастырей были восстановлены надгробия и составлены планы усыпальниц²⁰. При наблюдениях за ремонтом в новгородских храмах Спаса на Нередице и Спаса на Ковалеве обнаружены и исследованы погребения в каменных саркофагах под полами и вокруг храмов²¹. В ходе реставрации Троицкого собора Ипатьевского монастыря в Костроме под руководством видного архитектора, реставратора и археолога Д.В. Милеева (1911–1912) нашли «два каменных саркофага, относящихся ко времени Бориса Годунова»²².

17 Там же.

18 В этом письме, адресованном церковному писателю А.Н. Муравьеву, митрополит разграничивал равнодушие к памятникам архитектуры и почитание старинных икон и богослужебных предметов (Письма митрополита московского Филарета к А.Н.М. Киев: Типография И. и А. Давиденко, 1869. С. 248). О церковном историзме Филарета и его окружения см.: *Беляев Л.А.* Христианские древности. Введение в сравнительное изучение. 2-е стереотипное изд-е. СПб.: Алетей, 2000. С. 418, 419.

19 *Беляев Л.А.* Христианские древности... С. 417–419; Памятники архитектуры в дореволюционной России. Очерки истории архитектурной реставрации / Под общ. ред. доктора архитектуры А.С. Щенкова. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2002. С. 134, 161–171.

20 *Станюкович А.К., Звягин В.Н., Черношвитов П.Ю., Елкина И.И., Авдеев А.Г.* Усыпальница рода Романовых в Московском Новоспасском монастыре / Под ред. д.и.н. А.К. Станюковича и д.м.н. В.Н. Звягина. Кострома: Линия График, 2005. С. 34–49; *Беляев Л.А., Давиденко Д.Г.* Новые данные о некрополе Новодевичьего монастыря: подклет Смоленского собора и реставрация 1880-х гг. // Вестник ПСТГУ. Серия V: Вопросы истории и теории христианского искусства. 2024. Вып. 54. С. 157–173.

21 *Покрышкин П.П.* Отчет о капитальном ремонте Спасо-Нередицкой церкви в 1903 и 1904 годах. СПб.: Типография Главного управления уделов, 1906. С. 6, 7; *Романцев И.С.* Ковалевская находка // Сборник Новгородского общества любителей древности. Вып. I. Декабрь 1908. Новгород: Губернская типография, 1908. С. 78–84.

22 Известия Императорской археологической комиссии. Прибавления к вып. 46. СПб.: Типография Главного управления уделов, 1912. С. 42.

На высоком уровне осуществлялись наблюдения и исследование захоронений во время реставрации московского Успенского собора, которую осуществляла специальная комиссия с участием известных специалистов в области истории русского искусства и древностей. В 1914 году при устройстве отопления и новых полов были найдены погребения митрополитов Киприана и Фотия, патриархов Иова, Филарета, Иоасафа и Иосифа. Опубликованные описания представляют значительный интерес для изучения погребального обряда²³.

Случаи реставрации, установления охраны и фиксации памятников средневекового некрополя в соборах были, однако, единичными прецедентами, а не сложившейся практикой. Одновременно с этим ситуация с надгробиями из некрополей под открытым небом оставалась плачевной. В 1900–1910-е годы любители старины часто осуществляли наблюдения за строительными и земляными работами. Информация о находках костей, надгробий, погребального инвентаря, остатков одежды и обуви постоянно присутствует на страницах местных газет и в археологической периодике. Но роль наблюдателей на строительстве была пассивной — они не могли предотвратить уничтожение надгробий и обеспечить передачу находок в музей. Даже в Москве в собрании Исторического музея оказалось лишь одно из семи старинных надгробий, найденных в начале XX века при раскопках кладбищ во время строительных работ²⁴.

В недавней работе Е. Правиловой показано, что объекты художественного наследия начиная с 1830-х годов и вплоть до революции являлись предметами соперничества между собственниками (включая Церковь) и любителями старины, стремившимися перевести их в разряд «общественной» собственности, поставить под контроль специалистов. Это был сложный процесс, питавшийся различными смысловыми обоснованиями и способствовавший мобилизации и модернизации общества²⁵.

В этом противостоянии средневековый городской некрополь оказался не востребован. Как отдельная категория памятников «гробовые камни» (за редкими исключениями) не рассматривались. В «Кратком обозрении древних русских зданий и других отечественных памятников» А.Г. Глаголева (1838), являвшемся первым почти официальным сводом памятников, некрополи, мавзолеи и могилы выдающихся лиц занимали всего 1 % от общего числа памятников²⁶. Даже понимая значимость белокаменных надгробий как артефактов, археологи ничего (или почти ничего) не могли сделать для их спасения от уничтожения. Единственной доступной любителям старины возможностью

23 Известия Императорской археологической комиссии. Прибавление к вып. 57. Пг.: Типография Главного управления уделов, 1914. С. 46; То же. Прибавление к вып. 58. Пг.: Типография Главного управления уделов, 1915. С. 63.

24 Известия Императорской археологической комиссии. Прибавление к вып. 32. СПб.: Типография Главного управления уделов, 1909. С. 85; То же. Прибавление к вып. 44. СПб.: Типография Главного управления уделов, 1912. С. 164, 165; То же. Прибавление к вып. 50. СПб.: Типография Главного управления уделов, 1913. С. 112; То же. Прибавление к вып. 58. СПб.: Типография Главного управления уделов, 1915. С. 67.

25 *Правилова Е.* Империя в поисках общего блага. Собственность в дореволюционной России / Авториз. пер. с англ. И. Ждановой, Н. Эдельман. М.: Новое литературное обозрение, 2022. С. 272–333.

26 *Гуров М.Б.* «Краткое обозрение» А.Г. Глаголева — первый свод памятников истории и культуры России (по материалам изданий Министерства внутренних дел 30-х — 40-х гг. XIX века) // *Наследие веков.* 2020. № 2. С. 101.

было сохранение памятников путем их описания. Лишь в единичных случаях удавалось добиться реставрации надгробий и благоустройства захоронений²⁷.

Становление научного интереса

В Петровскую эпоху в России одновременно с распространением практики уничтожения средневекового некрополя появляется и научный интерес к нему, что было связано со становлением исторической науки в целом. Начало изучению отечественных древностей положил указ Петра I об учреждении Кунсткамеры и систематическом сборе экспонатов для этого собрания (1718). Первоначально объектом исследования были археологические памятники Сибири, Урала и Юга России, и в том числе курганы и другие погребальные сооружения. Вопрос о местных могильных древностях содержался в историко-географических анкетах В.Н. Татищева, М.В. Ломоносова и Г.Ф. Миллера²⁸.

Г.Ф. Миллер активно интересовался средневековой русской эпиграфикой²⁹. Еще в 1750-е годы он, вероятно, стал инициатором публикации эпитафий из Архангельского собора в редактируемом им журнале «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие». Этот материал подготовили два поэта — А.П. Сумароков и М.М. Херасков. Переехав в Москву в 1765 году, Миллер сам обратился к изучению памятников эпиграфики. В его обширном архиве, известном как «портфели Миллера», сохранились копии надгробных и храмозданных надписей из Москвы, Подмосковья, Великого Новгорода, Тобольска³⁰. Вполне возможно, что Миллер оказал влияние на Н.И. Новикова, включившего надгробные надписи XVI–XVIII веков в много томный сборник исторических источников «Древняя российская вивлиофика» (Ч. XIX, 1791).

Внимание к мемориальной культуре Киевской и Московской Руси проявлял и оппонент Миллера М.В. Ломоносов. В 1760 году он предложил Академии наук организовать «посылку» «в древние столичные государственные и владетельных князей города для собирания российской иконологии бывших в России государей <...>, чтоб с имеющихся в церквях изображений государских, иконописною и фресковою работою на стенах и гробницах состоящих, снять точные копии величиною и подобием на бумаге водяными красками». Программа включала в себя также точное «списание» надгробных надписей, а если таковых не было, предписывалось собрать сведения о погребениях из поминальной документации и выслать их в Академию наук. «Посылка» живо-

27 *Шокарев С.Ю.* Великий князь Николай Михайлович и становление охраны памятников некрополя // Археографический ежегодник за 2000 год / Гл. ред. С.О. Шмидт. М.: Наука, 2001. С. 379–382.

28 *Татищев В.Н.* Избранные труды по географии России. М.: Географгиз, 1950. С. 87, 88; *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений. Т. 9. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1955. С. 203; *Иванов А.Г.* Материалы анкеты Шляхетского корпуса о Марийском крае начала 60-х годов XVIII века // Марийский археографический вестник. 1993. № 3. С. 83.

29 *Авдеев А.Г.* Указ. соч. 2019. С. 71, 78–84.

30 *Шокарев С.Ю.* Материалы для изучения истории некрополя в «портфелях» Г.Ф. Миллера // Жизнь и смерть в Российской империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVIII–XIX вв. / Отв. ред. Л.А. Беляев, В.Н. Захаров. М.: Индрик, 2020. С. 152–156.

писца предполагалась в Москву, Новгород, Тверь, Ростов, Ярославль, Владимир, Чернигов, Киев и другие старинные города³¹. Этот проект, к сожалению, не был реализован.

Сведения о некрополях, тексты эпитафий и других эпиграфических памятников были включены в путеводители, описания и первые исторические труды о Москве А.П. Сумарокова, В.Г. Рубана, Ф.А. Охтенского, архиепископа Амвросия (Зертис-Каменского), Л.М. Максимовича и других авторов XVIII века³².

В середине — второй половине XVIII века возникает жанр провинциальной историографии, в основе которого лежали традиции местного летописания, просветительский интерес к прошлому и государственная потребность в сведениях о региональной географии и истории³³. Некрополь в этих трудах был представлен неравномерно. Так, соборный ключарь А. Федоров, автор «Исторического собрания о богоспасаемом граде Суждале» (конец 1750-х годов), уделял большое внимание погребениям деятелей местной истории. Опираясь на натурные исследования и письменные источники, автор описал погребения святых, князей и княгинь, епископов и других лиц в соборах и монастырях Суздаля, а также его окрестностей³⁴. Младший современник Федорова, сольвыгодский посадский человек и историк А.И. Соскин в «Истории города Соли Вычегодской...» цитировал надписи на иконах и разнообразные документы, но игнорировал средневековые эпитафии на надгробиях основателей и хозяев города Стrogановых, находившиеся у него буквально под ногами³⁵.

Восприятие некрополя как исторического источника в XIX — начале XX века

Первая половина XIX века ознаменовалась живым интересом к отечественным древностям, вызванным патриотическим подъемом в результате победы в Отечественной войне 1812 года и обращением интеллектуалов к проблемам народности. В общероссийской историографии наивысшим достижением этого времени стала «История государства Российского» Н.М. Карамзина. Сам историк сетовал, что «на древних гробах нет надписей, или они вырезаны уже в новейшие времена...»³⁶ Но, несмотря на этот пессимистический вывод, Карамзин использовал памятники эпиграфики как источники (Млѣвский камень, надпись на Московском Печатном дворе и др.)³⁷.

31 Ломоносов М.В. Указ. соч. С. 406, 407. Благодарю историка Александру Владимировну Шапиро за указание на этот документ.

32 Шокарев С.Ю. Источники по истории московского некрополя XII — начала XX в. С. 14, 15, 190, 211–213.

33 Севастьянова А.А. История и историки в провинциях и столицах. Сборник трудов по историографии и регионоведению России XVIII–XIX веков. М.: Квадрига, 2020.

34 Федоров А. Историческое собрание о богоспасаемом граде Суждале <...> [Б.м., б.и.], [1855]. С. 12, 13, 19–24, 28–40, 46–48, 52, 53, 56, 57, 61, 91–94, 108, 122, 127, 128, 135, 136, 139–154, 161, 162, 178, 179, 181–186, 188, 190, 191, 201–204; Севастьянова А.А. Указ. соч. С. 88, 89.

35 Соскин А.И. История города Соли Вычегодской / Подгот. изд. А.Н. Власов; отв. ред. А.А. Амосов. Сыктывкар: Сыктывкарский университет, 1997.

36 Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. I. М.: Наука, 1989. С. 27.

37 Авдеев А.Г. Указ. соч. С. 46.

Карамзин характеризовал некрополь как одну из достопримечательностей старой столицы в «Записке о московских достопамятностях» (1817). Описывая Архангельский собор, он восклицает:

Вот святилище Истории Российской! Там искал я вдохновения, чтобы живо изобразить Донского и двух Иоаннов Васильевичей. Древнейший гроб заключает в себе прах Калиты, основателя Московской или нынешней Российской державы. Тут знаменитые Романовы: Михаил, Алексей, Феодор, тут и св. младенец Димитрий, коего тень в виде Самозванца низвергла царя Бориса, ознаменованного печатью тайного злодейства (он лежит уединен в Троицкой обители)...³⁸

Свойственное Карамзину эстетическое отношение к памятникам древности было представлено и в творчестве его младших современников, писателей Н.Д. Иванчина-Писарева и А.Н. Муравьева, авторов описаний благочестивых путешествий³⁹.

Параллельно с романтическим обращением к русской старине формировался менее эмоциональный, но насыщенный фактами жанр церковно-археологических описаний. Один из первых образцов — описания Новоспасского монастыря и церкви Знамения в этом монастыре, составленные историком и генеалогом игуменом Ювеналием (Воейковым) (1802, 1803). В этих работах автор уделил большое внимание некрополю и воспроизвел десятки надгробных надписей XVI–XVIII столетий. С середины 1820-х годов описание некрополей включал в труды по церковной археологии видный историк и церковный деятель митрополит Евгений (Болховитинов). Он писал о могиле легендарного Трувора и чудских могилах в Изборске, княжеских и архиерейских погребениях Софии Киевской, пещерах Киево-Печерской лавры и т.д. Возглавив киевскую кафедру, митрополит стал в 1824 году инициатором первого археологического исследования памятника древнерусской архитектуры — Десятинной церкви. Постепенно рассказ о некрополе стал одной из постоянных частей классического церковно-археологического (церковно-исторического) описания⁴⁰.

Одним из выдающихся авторов церковно-археологических описаний был архимандрит Леонид (Кавелин) (1822–1891), представитель известной семьи дворян-интеллектуалов, наместник Ново-Иерусалимского монастыря, а затем Троице-Сергиевой лавры. В сочинениях, посвященных Оптиной пустыни (1847), Боровскому Пафнутьеву монастырю (1859), Коренной Рождество-Богородицкой пустыни (1865) и другим обителям, обстоятельно описаны кладбища, часто приводятся сведения о вкладчиках из синодиков. Особый интерес представляют списки эпитафий из Ново-Иерусалимского монастыря, где сохранились каменные летописи второй половины XVII века⁴¹.

38 Карамзин Н.М. Записка о достопамятностях Москвы // Москва в описаниях XVIII века / Подгот. текста, ст. С.С. Илизарова; коммент. И.Р. Грининой, С.С. Илизарова; отв. ред. В.Л. Янин. М.: Янус-К, 1997. С. 288, 292.

39 См. подробнее: Шокарев С.Ю. Источники по истории московского некрополя XII — начала XX вв. С. 226–228, 365, 366.

40 Беляев Л.А. Христианские древности... С. 413–415.

41 Леонид (Кавелин), архимандрит. Историческое описание Ставропигиального Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого, монастыря. М.: Императорское общество истории и древностей российских при Московском университете, 1876. С. 92–102, 128, 129, 145, 146.

В работе «Церковно-историческое описание упраздненных монастырей, находящихся в пределах Калужской епархии» (1863) архимандрит Леонид выступил как полевой археолог и эпиграфист, опубликовав эпитафии на надгробиях XVI–XVIII веков, найденных им на территориях бывших монастырей. Примечательно описание Леонидом рабочего процесса изучения старорусской эпиграфики:

Церковный староста указал мне на одну гробницу, говоря, что какой-то «Енарал нарочно приезжал разбирать надпись, счищал мох с камня, чем-то намазывал камень, бился долго, да так и уехал». Надпись точно заинтересовала меня: с разу прочтя до половины, и я пробился над разбором второй половины не менее получаса, но был счастливее Генерала, прочел почти всю и, кажется, верно. Подпись эта начертана с боку камня, грубо обделанного в виде гробницы: «7165 (1657) года, Июня въ 28 день, въ 15... за Государя и веру убиенн. Юрьева Ливонского рабъ Божий Елевферий Фоминъ Ратовъ»⁴².

В одно время с Леонидом (Кавелиным) работали другие плодотворные авторы, оставившие десятки описаний монастырей и храмов: И.М. Снегирев, А.А. Мартынов, архиепископ Макарий (Миролюбов), П.И. Савваитов, А.А. Титов, И.Ф. Токмаков и др. Наряду с монастырями и храмами подобные работы охватывали и более масштабные объекты — территорию города или епархии. В результате за столетие развития жанра церковно-археологических описаний были с разной степенью полноты охарактеризованы большинство церковных древностей Центральной России и Русского Севера, введен в научный оборот огромный объем источников для изучения некрополистики и истории коммеморативной традиции.

В конце XIX — начале XX века на базе большого количества церковно-археологических описаний стали появляться обобщающие труды по старорусской эпиграфике и истории надгробных памятников. Таковы неопубликованные исследования архитектора В.А. Гамбурцева, посвященные художественному стилю средневековых надгробий⁴³. В 1896 году москвовед А.А. Мартынов опубликовал свод надгробных надписей XVII–XVIII веков «Надгробная летопись Москвы». В 1905–1914 годах осуществлен проект великого князя Николая Михайловича по публикации сведений о погребенных на кладбищах Санкт-Петербурга, Москвы и русской провинции (центральные губернии и Русский Север). Было издано восемь больших томов, в которые вошли десятки тысяч надписей, включая эпитафии XVI–XVII веков, зафиксированные *de visu* либо описанные на основании литературы. Значительная часть материалов осталась неопубликованной и постепенно вводится в научный оборот в наше время Д.Н. Шиловым.

Начало XX века ознаменовалось несколькими публикациями, новаторскими по объектам и методике: историк и искусствовед В.К. Клейн тщательно издал надгробные надписи из московской церкви св. Николая в Столпах; археограф и историк И.А. Шляпкин опубликовал первую работу о древнерусских

42 Леонид (Кавелин), архимандрит. Церковно-историческое описание упраздненных монастырей, находящихся в пределах Калужской епархии. М.: Университетская типография, 1863. С. 101, 102.

43 См.: Шокарев С.Ю. Источники по истории московского некрополя XII — начала XX в. С. 248–250.

крестах (в том числе намогильных); филолог и палеограф В.Н. Щепкин описал коллекцию средневековых надгробий из Исторического музея, создав периодизацию этого вида памятников по орнаментальным признакам; археограф С.А. Белокуров составил описание надгробий XVI века из села Образцова Московской губернии⁴⁴. Эти и другие работы на стыке истории материальной культуры, эпиграфики, палеографии (в том числе статьи в археологической периодике) отличались профессиональным подходом и высоким научным уровнем, вниманием к деталям, точностью в описаниях, привлечением аналогий для описания и анализа.

Археологическое изучение городского средневекового некрополя в XIX — начале XX веков

Российской церковной археологии предшествовали поиски и обретения святых мощей. Опыт таких работ, однако, не обобщался и не передавался, в отличие от традиции освидетельствования самих мощей и установления святости подвижника. С другой стороны, практика обретения мощей не соотносилась с научными изысканиями в области археологии XVIII–XIX веков. Соединение церковного интереса к мощам и научных методов археологии произошло только на рубеже XX–XXI веков.

Археология обратилась к русским древностям в первой половине XIX века. В первую очередь это были курганы и городища славянского времени. К началу XX века их исследование приобрело массовый характер, был собран значительный материал. С точки зрения этики и законодательства препятствий для раскопок славянских погребальных памятников не было (особенно на частных землях). Изначально такие памятники рассматривались как чужеродные, и даже когда была установлена принадлежность «курганного племени» к славянам, они все равно выделялись принадлежностью к язычеству. Христианские кладбища, напротив, охранялись религиозными установлениями и законодательством. Тем не менее археологическое изучение городского средневекового некрополя осуществлялось, хотя и в незначительных масштабах.

Первоначально обоснованием для проведения таких работ были благочестивые цели или патриотические устремления. Позднее на первый план вышли научные соображения, подкреплявшиеся представлениями о необходимости изучения исторических корней.

Раскопки в Киеве руин Десятиной церкви, начатые по инициативе киевского митрополита Евгения (Болховитинова) в 1824 году, носили взаимодополняющий характер благочестивых и исторических изысканий. Менее чем

44 *Клейн В.К.* Надписи на гробницах в церкви Св. Николая в Стопах. М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1905; *Шляпкин И.А.* Древние русские кресты. I. Кресты новгородские, до XV века, неподвижные и не церковной службы. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1906; *Щепкин В.Н.* Описание надгробий (собрание 1-е) // Отчет Исторического музея за 1906 г. М.: Типография Общества распространения полезных книг, аренд. В.И. Воронцовым, 1907; То же (собрание 2-е) // Отчет Исторического музея за 1911 г. М.: Синодальная Типография, 1913; *Белокуров С.А.* Надгробные плиты XVI в. в с. Образцове Московской губ. М.: Императорское общество истории и древностей российских при Московском университете, 1911.

за два месяца были открыты фундаменты храма, а также саркофаги и погребения в них. Митрополит Евгений писал канцлеру Н.П. Румянцеву:

Найдены места и гробов, но мы до них не касаемся, дабы не произвести еще большего стечения народа. Один только гроб мраморный со скелетом, встреченный по линии фундамента, открыт и вновь закрыт, а взяли мы только перстень, <...> Осень, холод и снег прекратили работу, которая мне стоит только 125 рублей, но много еще потребно⁴⁵.

В 1826 году эти работы были продолжены архитектором Н.Е. Ефимовым. Он заново раскрыл фундаменты церкви и обнаружил три шиферных саркофага с останками и остатками парчовой одежды и обуви. Один из скелетов был атрибутирован как мощи князя Владимира. Саркофаг переместили в новопостроенную Десятинную церковь (1828–1842), где он почитался как гробница святого князя⁴⁶.

В 1836 году археолог-любитель Д.П. Тихомиров предпринял раскопки на городище Старая Рязань, которое к тому времени приобрело известность после находки здесь в 1822 году «рязанских барм». Исследователь ставил перед собой задачу найти «почтенный прах» великих князей и епископов рязанских древнерусского времени. Раскопав один из двух холмов на городище, Тихомиров обнаружил руины Борисоглебского собора, склепы и каменные «гробницы» (саркофаги), деревянные гробы и человеческие кости, «покрытые местами то шелковыми тканями, то золотою камкою», «то истлевшею парчею, то позументом, то золотою сеткою и другими примечательными тканями, изображающими по шелку золотом драконов, страусов, крокодилов, грифов и прочих мифов»⁴⁷.

В 1851–1852 годах один из первых профессиональных российских археологов граф А.С. Уваров провел раскопки в Спасо-Евфимьевом монастыре для поисков могилы «спасителя Отечества» князя Д.М. Пожарского. Было обнаружено пространство родовой усыпальницы князей Пожарских, саркофаги и склепы. Одно из погребений («гробница № 3») Уваров предположительно определил как погребение князя Пожарского. После вскрытия захоронения специальная комиссия согласилась с мнением графа, и останки «человека преклонных лет» признали останками князя Дмитрия Михайловича, по которому отслужили панихиду, а позднее возвели над его могилой часовню⁴⁸.

Работы А.С. Уварова были проведены более профессионально, чем предшествовавшие им раскопки церковных некрополей. Однако, как отмечает Л.А. Беляев, эти материалы «оставили ряд белых пятен — прежде всего в силу ограниченности тогдашних технических средств»⁴⁹. Была и другая причина, по которой итоги раскопок представляются недостаточными:

45 Цит. по: *Августин (Никитин), архимандрит*. Митрополит Евгений (Болховитинов) и эпоха Крещения Руси // Вестник Ленинградской духовной академии. 1990. № 1. С. 43.

46 *Каргер М.К.* К вопросу о саркофагах кн. Владимира и Анны // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1940. Вып. VII. С. 76–80; *Агеева Н.А.* Бумаги Н.Е. Ефимова 1825–1826 годов, посвященные раскопкам Десятинной церкви в Киеве // Петербургский исторический журнал. 2021. № 4 (32). С. 230–238.

47 *Тихомиров Д.П.* Исторические сведения об археологических раскопках в Старой Рязани. М.: Типография С. Селивановского, 1844. С. 6, 11, 14, 15.

48 *Уваров А.С.* Указ. соч. С. 25–43.

49 *Беляев Л.А.* Родовая усыпальница князей Пожарских и Хованских в Спасо-Евфимьевом монастыре Суздаля: 150 лет изучения. М.: Институт археологии РАН, 2013. С. 10.

...«команда Уварова» имела сравнительно узкую цель: найти погребение национального героя. Она была, так сказать, настроена на апологию и воспринимала особенности сооружений, детали обряда, половозрастной состав некрополя как дополнительный материал, важный только в качестве инструмента идентификации⁵⁰.

Такой подход оказал влияние на результат — в настоящее время нет полной уверенности в том, что погребение № 3 принадлежит князю Д.М. Пожарскому, а не его двоюродному брату князю Дмитрию Петровичу Лопате Пожарскому либо сыну лидера ополчения князю Ивану Дмитриевичу⁵¹.

В 1871 году любитель старины купеческий сын С.И. Бочарников раскопал в Зарайске Рязанской губернии интереснейший памятник — курган в ограде Благовещенского храма. Согласно легенде, этот курган был насыпан в Смутное время над братской могилой защитников города. Бочарников обнаружил «лежащие в беспорядке человеческие скелеты, при полном отсутствии каких-либо металлических вещей» и пришел к выводу о достоверности легенды⁵².

В 1888–1889 годах продолжились раскопки в Старой Рязани, которыми руководил В.А. Селиванов. Он нашел остатки Борисоглебского храма (который датировал XII веком), а внутри и вокруг него «значительное количество могил с остовами». По мнению археолога, эти могилы были древнее храма и принадлежали к эпохе, которая «может характеризоваться как переходная от язычества к христианству, так как найденные предметы представляют собой черты того и другого мировоззрения». Найденны были также каменные кресты, кирпичи под головами или ногами, остатки гробов. Некоторые костяки, по мнению А.В. Селиванова, принадлежали жителям, погибшим во время Батыева разгрома Рязани⁵³.

В начале XX века крупнейшие находки древнерусских погребений были сделаны в Киеве, в основном на раскопках усадьбы Десятинной церкви и в древнейшей части города в целом.

В 1907 году, во время раскопок В.В. Хвойки (Хвойко) около Владимирской улицы и неподалеку от Десятинной церкви, была найдена братская могила, в которой находилось «громадное количество людей всех возрастов». По разбитым и рассеченным черепам захоронение было определено как погребение жертв монгольского разгрома⁵⁴.

В 1908 году масштабные археологические работы на усадьбе Десятинной церкви вел Д.В. Милеев. Он обнаружил на территории храма погребения «древ-

50 Там же.

51 Там же. С. 10–29, 44, 49.

52 Бочарников С. О памятниках древности в г. Зарайске и его окрестностях // Древности. Труды Московского археологического общества. Т. 10. М.: [б.и.], 1885. С. 94–101; Галкин Т.О. Купеческий сын С. Бочарников: первый зарайский археолог // XVII Международная археологическая конференция студентов и аспирантов «Проблемы археологии Восточной Европы и Восточного Средиземноморья»: материалы конференции. Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2022. С. 130–133.

53 Селиванов А.В. О раскопках в Старой Рязани и в Ново-Ольговском городке. Рязань: Типография губернского правления, 1890; Отчет Императорской археологической комиссии за 1892 г. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1894. С. 53–55.

54 Известия Императорской археологической комиссии. Прибавление к выпуску 26. СПб.: Типография Главного управления уделов, 1909. С. 29.

нейшей эпохи», совершенные до строительства церкви, «в правильных прямоугольных грунтовых могилах», в деревянных гробах с железными гвоздями и без гробов. Предметы из погребений, в том числе скандинавского и византийского происхождения, были датированы IX–X веками. За северной стеной храма был опять найден орнаментированный шиферный саркофаг, ранее попадавшийся археологам в 1826 году. Внутри него оказался костяк с остатками шелковой ткани и истлевшей кожи. Антропологи затруднились атрибутировать останки, но, несмотря на это, получила распространение версия об их принадлежности равноапостольной княгине Ольге⁵⁵.

Раскопки 1909 года вскрыли многочисленные захоронения трех периодов — «времен Петра Могилы» (XVII век), периода X–XIII веков и «до-владимирской эпохи» (IX век), — сопровождавшихся значительным количеством могильных сооружений (склеп, шиферные саркофаги, остатки гробов с гвоздями и т.д.) и предметов (поздних сосудов для елца, крестов, византийских монет IX века, женских украшений и др.). По результатам исследований археологи пришли к заключению о том, что Десятинная церковь была построена князем Владимиром на месте древнего христианского некрополя, возникшего столетием ранее⁵⁶.

В 1913 году в связи с празднованием 300-летия Дома Романовых в Никольском соборе в Чебоксарах были произведены поиски могилы Марии Тимофеевны Шестовой, бабушки царя Михаила Федоровича. Она умерла здесь в ссылке при Борисе Годунове и, согласно преданию, была погребена в подклете собора. В процессе работ обнаружили несколько погребений, одно из которых было атрибутировано как принадлежавшее родственнице царя. Останки переложили в новый гроб и погребли на том же месте, а в соборе совершили панихиду «по рабе Божией, боярыне Марии»⁵⁷.

Таким образом, на протяжении XIX века русский средневековый некрополь постепенно становился легитимным археологическим объектом. Но даже в начале XX века вопрос о том, что делать с найденными надгробными сооружениями, оставался открытым. «Саркофаг княгини Ольги» после раскопок Д.В. Милеева был вновь засыпан и поступил в музей только в 1918 году, когда был откопан в третий раз.

Собранный материал показывает разные аспекты соприкосновения и отношения к средневековому городскому некрополю в имперский период. Отход от средневековой коммеморативной традиции привел к тому, что надгробия и иные мемориалы старых ктиторов стали восприниматься в монастырях как что-то инородное уже во второй половине XVIII века. Естественный процесс обветшания надгробных плит и утраты памяти, происходивший в Средние

55 Известия Императорской археологической комиссии. Прибавление к вып. 31. СПб: Типография Главного управления уделов, 1909. С. 69–80; Отчет Императорской археологической комиссии. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1912. С. 139–143, 149–158, 163.

56 Известия императорской археологической комиссии. Прибавление к вып. 32. СПб.: Типография Главного управления уделов, 1909. С. 125–134.

57 Чебоксары: история, легенды, загадки Николаевского монастыря / Отв. ред. Ю.Н. Исаев. Воронеж: ООО «АЛЕКС ПРИНТ», 2016. С. 47–59, 186–189.

века, в Новое время сменился практикой уничтожения и утилизации памятников. Для церковной старины такой подход имел губительные последствия.

Историческая наука заинтересовалась «гробовыми камнями», наряду с другими средневековыми артефактами, в первой половине XVIII века, примерно в то же время, когда началось их сознательное уничтожение. К началу XX века сформировалось профессиональное понимание значимости русской средневековой эпиграфики как исторического источника и возникло восприятие надгробных памятников и надмогильных сооружений как культурных объектов.

В то же время усилия любителей старины по защите средневековых надгробий и остатков некрополей имели незначительные результаты. Законодательная база не отвечала потребностям охраны таких объектов. Старинные плиты, саркофаги, колоды, найденные при земляных работах, как правило, уничтожались, так как не было опыта их сохранения, да и желания этим заниматься у исполнителей и заказчиков таких работ. В музейные собрания поступали лишь единичные экземпляры. В лучшем положении находились старинные статусные усыпальницы (кремлевские соборы, усыпальницы Романовых в Новоспасском монастыре и др.), охраняемые традицией почитания, ореолом известности погребенных, усилиями государства в области сохранения династических мемориалов и законодательством.

Практика археологических раскопок церковных древностей, включая некрополи, в указанный период делала первые шаги. Поиски захоронений выдающихся лиц (киевские равноапостольные князья, рязанские князья, князь Д.М. Пожарский) были близки к церковной практике обретения мощей. Однако в ходе таких изысканий вырабатывались археологические методики, достигшие в начале XX века высокого профессионального уровня (в первую очередь работы Д.В. Милеева в Киеве).

К началу XX века сохранились лишь незначительные остатки средневекового некрополя. Экспертное сообщество признавало ценность этих артефактов, появились первые прецеденты организации охраны древних или художественных надгробий и могил выдающихся лиц. Такие случаи не являлись общей практикой, а были скорее исключением из нее. Были выработаны принципы археологического изучения таких объектов. Но в 1917 году произошла революция, за которой последовало массовое уничтожение памятников церковной старины, включая мемориальные сооружения. К археологическим исследованиям церковных памятников и городских некрополей вернулись в 1930-е годы с новыми идеологическими установками. Открывшееся было понимание средневекового некрополя вновь закрылось.

Что эти культурные явления говорят об обществе XVIII — начала XX веков в целом? Какими мы видим людей той эпохи, отталкиваясь от их отношения к некрополю, пусть и не современному им, а более раннему? Представляется, что способность горожан бесстрастно использовать «отеческие гробы» как строительный материал или равнодушно взирать на их разрушение является важным индикатором. Это не только отрыв от средневековой традиции, но и глухота к абстрактной идее памяти, не связанной с личной или семейной историей. Мысль о мемориализации прошлых поколений христиан была чужда людям Нового времени, включая черное и белое духовенство, начальствующих над монастырями. Если не учитывать любителей старины, ученых монахов, историков и археологов, немногие соотносили память о прошлом с белокаменными надгробиями, храмами, архитектурными ансамблями. Это имело губитель-

ные последствия для памятников средневековой древности. С другой стороны, это заставляет задуматься, насколько типичным является нигилистическое отношение к старинным надгробиям в наши дни со стороны кладбищенских администраций, монашеских общин, духовенства и прихожан. И насколько важными и вдохновляющими являются примеры музеефикации таких объектов силами общественности.

Библиография / References

- Августин (Никитин), архимандрит.* Митрополит Евгений (Болховитинов) и эпоха Крещения Руси // Вестник Ленинградской духовной академии. 1990. № 1. С. 40–50.
- (Avgustin (Nikitin), arhimandrit.* Mitropolit Evgenij (Bolhovitinov) i epoha Kreshcheniya Rusi // Vestnik Leningradskoj duhovnoj akademii. 1990. № 1. P. 40–50.)
- Авдеев А.Г.* Памятники лапидарной эпиграфики как источник по истории и культуре Московской Руси. Дисс. ... доктора исторических наук: В 2 т. Т. 1. М., 2019.
- (Avdeev A.G.* Pamyatniki lapidarnoj epigrafiki kak istochnik po istorii i kul'ture Moskovskoj Rusi. Diss. ... doktora istoricheskikh nauk: In 2 vols. Vol. 1. Moscow, 2019.)
- Агеева Н.А.* Бумаги Н.Е. Ефимова 1825–1826 годов, посвященные раскопкам десятичной церкви в Киеве // Петербургский исторический журнал. 2021. № 4 (32). С. 230–238.
- (Ageeva N.A.* Bumagi N.E. Efimova 1825–1826 godov, posvyashchennye raskopkam desyatinoj cerkvi v Kieve // Peterburgskij istoricheskij zhurnal. 2021. № 4 (32). P. 230–238.)
- Белокуров С.А.* Надгробные плиты XVI в. в с. Образцове Московской губ. М.: Императорское общество истории и древностей российских при Московском университете, 1911.
- (Belokurov S.A.* Nadgrobnye plity XVI v. v s. Obrazcove Moskovskoj gub. Moscow, 1911.)
- Беляев Л.А.* Поминать и помнить: традиция обновления надгробий в Москве XVI–XVII вв. // Живая старина. 2018. № 3 (99). С. 2–6.
- (Belyaev L.A.* Pominat' i pomnit': tradiciya obnoveniya nadgrobij v Moskve XVI–XVII vv. // Zhivaya starina. 2018. № 3 (99). P. 2–6.)
- Беляев Л.А.* Родовая усыпальница князей Пожарских и Хованских в Спасо-Евфимиевом монастыре Суздаля: 150 лет изучения. М.: Институт археологии РАН, 2013.
- (Belyaev L.A.* Rodovaya usypal'nica knyazej Pozharskih i Hovanskih v Spaso-Evfimievom monastyre Suzdalya: 150 let izucheniya. Moscow, 2013.)
- Беляев Л.А.* Христианские древности. Введение в сравнительное изучение. 2-е стереотипное изд-е. СПб.: Алетейя, 2000.
- (Belyaev L.A.* Hristianskie drevnosti. Vvedenie v sravnitel'noe izuchenie. 2nd ed. Saint Petersburg, 2000.)
- Беляев Л.А., Давиденко Д.Г.* Новые данные о некрополе Новодевичьего монастыря: подклет Смоленского собора и реставрация 1880-х гг. // Вестник ПСТГУ. Серия V: Вопросы истории и теории христианского искусства. 2024. Вып. 54. С. 157–173.
- (Belyaev L.A., Davidenko D.G.* Novye dannye o nekropole Novodevich'ego monastyrya: podklet Smolenskogo sobora i restavraciya 1880-kh gg. // Vestnik PSTGU. Series V: Voprosy istorii i teorii hristianskogo iskusstva. 2024. Iss. 54. P. 157–173.)
- Бочарников С.* О памятниках древности в г. Зарайске и его окрестностях // Древности. Труды Московского археологического общества. Т. 10. М.: [б.и.], 1885. С. 94–101.
- (Bocharnikov S.* O pamyatnikah drevnosti v g. Zarajskie i ego okrestnostyah // Drevnosti. Trudy Moskovskogo arheologicheskogo obshchestva. Vol. 10. Moscow, 1885. P. 94–101.)
- Галкин Т.О.* Купеческий сын С. Бочарников: первый зарайский археолог // XVII Международная археологическая конференция студентов и аспирантов «Проблемы археологии Восточной Европы и Восточного Средиземноморья»: материалы конференции. Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2022. С. 130–133.

- (Galkin T.O. Kupecheskij syn S. Bocharnikov: pervyj zarazskij arheolog // XVII Mezhdunarodnaya arheologicheskaya konferenciya studentov i aspirantov «Problemy arheologii Vostochnoj Evropy i Vostochnogo Sredizemnomor'ya»: materialy konferencii. Rostov-on-Don; Taganrog, 2022. P. 130–133.)
- Гуров М.Б. «Краткое обозрение» А.Г. Глаголева — первый свод памятников истории и культуры России (по материалам изданий Министерства внутренних дел 30-х — 40-х гг. XIX века) // *Наследие веков*. 2020. № 2. С. 93–105.
- (Gurov M.B. «Kratkoe obozrenie» A.G. Glagoleva — pervyj svod pamyatnikov istorii i kul'tury Rossii (po materialam izdanij Ministerstva vnutrennih del 30-h — 40-h gg. XIX veka) // *Nasledie vekov*. 2020. № 2. P. 93–105.)
- Иванов А.Г. Материалы анкеты Шляхетского корпуса о Марийском крае начала 60-х годов XVIII века // *Марийский археографический вестник*. № 3. 1993. С. 79–91.
- (Ivanov A.G. Materialy ankety Shlyahetskogo korpusa o Marijskom krae nachala 60-h godov XVIII veka // *Marijskij arheograficheskij vestnik*. № 3. 1993. P. 79–91.)
- Каргер М.К. К вопросу о саркофагах кн. Владимира и Анны // *Краткие сообщения Института истории материальной культуры*. 1940. Вып. VII. С. 76–80.
- (Karger M.K. K voprosu o sarkofagah kn. Vladimira i Anny // *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noj kul'tury*. 1940. Iss. VII. P. 76–80.)
- Логунова М.О. Печальные ритуалы императорской России. М.: Центрполиграф; Русская тройка, 2011.
- (Logunova M.O. Pechal'nye ritualy imperatorskoj Rossii. Moscow, 2011.)
- Памятники архитектуры в дореволюционной России. Очерки истории архитектурной реставрации / Под общ. ред. А.С. Щенкова. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2002.
- (Pamyatniki arhitektury v dorevolucionnoj Rossii. Oчерki istorii arhitekturnoj restavracii. Moscow, 2002.)
- Правилова Е. Империя в поисках общего блага. Собственность в дореволюционной России / Авториз. пер. с англ. И. Ждановой, Н. Эдельман. М.: Новое литературное обозрение, 2022.
- (Pravilova E. A Public Empire. Property and the Quest for the Common Good in Imperial Russia. Moscow, 2022 — In Russ.)
- Севастьянова А.А. История и историки в провинции и столицах. Сборник трудов по историографии и регионоведению России XVIII–XIX веков. М.: Квадрига, 2020.
- (Sevast'yanova A.A. Istoriya i istoriki v provincii i stolicah. Sbornik trudov po istoriografii i regionovedeniyu Rossii XVIII–XIX vekov. Moscow, 2020.)
- Соскин А.И. История города Соли Вычегодской / Подгот. изд. А.Н. Власов; отв. ред. А.А. Амосов. Сыктывкар: Сыктывкарский университет, 1997.
- (Soskin A.I. Istoriya goroda Soli Vychegodskoj. Syktывkar, 1997.)
- Станюкович А.К., Звягин В.Н., Черноsvитов П.Ю., Елкина И.И., Авдеев А.Г. Усыпальница рода Романовых в Московском Новоспасском монастыре / Под ред. А.К. Станюковича и В.Н. Звягина. Кострома: Линия График, 2005.
- (Stanjukovich A.K., Zvyagin V.N., Chernosvitov P.Yu., Elkina I.I., Avdeev A.G. Usypal'nica roda Romanovyh v Moskovskom Novospasskom monastyre. Kostroma, 2005.)
- Турчин В.С. Надгробные памятники эпохи классицизма в России: типология, стиль, иконография // *От Средневековья к Новому времени: материалы и исследования по русскому искусству*. XVIII — первая половина XIX века. М.: Наука, 1984. С. 211–228.
- (Turchin V.S. Nadgrobnye pamyatniki epohi klassicizma v Rossii: tipologiya, stil', ikonografiya // *Ot Srednevekov'ya k Novomu vremeni: materialy i issledovaniya po russkomu iskusstvu*. XVIII — pervaya polovina XIX veka. Moscow, 1984. P. 211–228.)
- Царькова Т.С. Русская стихотворная эпитафия XIX–XX веков: Источники. Эволюция. Поэтика. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1999.
- (Car'kova T.S. Russkaya stihotvornaya epitafiya XIX–XX vekov: Istochniki. Evolyuciya. Poetika. Saint Petersburg, 1999.)
- Чебоксары: история, легенды, загадки Николаевского монастыря / Отв. ред. Ю.Н. Исаев. Воронеж: ООО «АЛЕКС ПРИНТ», 2016.
- (Cheboksary: istoriya, legendy, zagadki Nikolaevskogo monastyrya. Voronezh, 2016.)
- Чернов С.З., Янишевский Б.Е. Некрополь Троице-Сергиева монастыря по материалам археологических исследований 2003 // *Российская археология*. 2008. № 2. С. 188–199.
- (Chernov S.Z., Yanishevskij B.E. Nekropol' Troitse-Sergieva monastyrya po materialam arheologicheskikh issledovanij 2003 // *Rossiyskaya arheologiya*. 2008. № 2. P. 188–199.)
- Шляпкин И.А. Древние русские кресты. I. Кресты новгородские, до XV века, неподвижные и не церковной службы. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1906.

- (*Shlyapkin I.A.* Drevnie russkie kresty. I. Kresty novgorodskie, do XV veka, nepodvizhnye i ne cerkovnoj sluzhby. Saint Petersburg, 1906.)
- Шмидт С.О.* Исторический некрополь в системе культуры России // Московский некрополь: история, археология, охрана. М.: Научно-исследовательский институт культуры; Московский фонд культуры, 1991. С. 8–23.
- (*Shmidt S.O.* Istoricheskiy nekropol' v sisteme kultury Rossii // Moskovskiy nekropol': istoriya, arheologiya, ohrana. Moscow, 1991. P. 8–23.)
- Шокарев С.Ю.* Великий князь Николай Михайлович и становление охраны памятников некрополя // Археографический ежегодник за 2000 год / Гл. ред. С.О. Шмидт. М.: Наука, 2001. С. 379–382.
- (*Shokarev S.Yu.* Velikij knyaz' Nikolaj Mihajlovich i stanovlenie ohrany pamyatnikov nekropolya // Arheograficheskij ezhegodnik za 2000 god. Moscow, 2001. P. 379–382.)
- Шокарев С.Ю.* Источники по истории московского некрополя XII — начала XX в. М.; СПб.: Нестор-История, 2019.
- (*Shokarev S.Yu.* Istochniki po istorii moskovskogo nekropolya XII — nachala XX v. Moscow; Saint Petersburg, 2019.)
- Шокарев С.Ю.* Материалы для изучения истории некрополя в «портфелях» Г.Ф. Миллера // Жизнь и смерть в Российской империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVIII–XIX вв. / Отв. ред. Л.А. Беляев, В.Н. Захаров. М.: Индрик, 2020. С. 152–156.
- (*Shokarev S.Yu.* Materialy dlya izucheniya istorii nekropolya v «portfelyah» G.F. Millera // Zhizn' i smert' v Rossijskoj imperii. Novye otkrytiya v oblasti arheologii i istorii Rossii XVIII–XIX vv. Moscow, 2020. P. 152–156.)